

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 101.1

УСЛОВИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ МЕГАМАШИНЫ В ТРУДАХ ЛЬЮИСА МЭМФОРДА

В.А. ЕМЕЛЬЯНОВ*(Представлено: канд. филос. наук, доц. И.А. БОРТНИК)*

Представлены истоки и причины возникновения концепции мегамашины Льюиса Мэмфорда в социальной философии середины 20-го века, а также ее развитие и становление.

Формирование концепции мегамашины в трудах американского философа и историка Льюиса Мэмфорда началось с 1930-х годов 20-го века. Начиная с одной из известнейших работ «Техника и цивилизация» в 1934 г., до «Мифа машины» в 1967 г., где он финальным жестом констатирует свои взгляды на технику и общество. Воспринятые, конечно же, из существующей интеллектуальной сферы, дискурса и конкретных авторов.

К тому же, на взгляды Мэмфорда, естественно, влиял и непосредственно наблюдаемый процесс общественного развития, и связанные с ним социальные изменения. На конец 19-го и начало 20-го века пришлось бурное развитие техники, подгоняемое повсеместной электрификацией. То есть развивались в первую очередь энергетика, электроника, электротехника. Создавалось огромное автоматизированное машинное производство, внедрялись сложные системы управления. Все это служит отражением того, что *«была создана принципиально новая машина — управляющая, которая постепенно превращается в самостоятельный тип системы машин. Переход к четырехзвенной структуре машин, содержащих автоматическое устройство, моделирующее некоторые мыслительно-логические функции человека, является исходным пунктом современной научно-технической революции.»* [6, с. 252]. Техника все больше проникает в массы людей в виде предметов комфорта и медиумов информации. Все это будет вызывать вопросы в социологии и философии о влиянии техники, ее статусе и ее онтологических качествах на протяжении всего века, в том числе у Льюиса Мэмфорда.

Одним из основных философов, оказавших влияние на понимание Мэмфордом взаимоотношений человека и машины, был Карл Маркс. Концепция «отчуждения» также накрепко вплетается в позицию Мэмфорда, хотя само слово «отчуждение» звучит у него крайне редко, но легко заметить, что оно скрывается за каждым его пассажем о взаимовлиянии техники и человека. Однако Маркс отводил центральное место и направляющую функцию в развитии человека орудиям производства. В этом Мэмфорд сравнивает Маркса с Тейяром де Шарденом, который наделяет историю узким рационализмом нашей эпохи, а также предполагает, что существует конечное состояние человека, где все его возможности развития исчерпают себя, а это, по его мнению, в корне неверно. Своей философией Маркс, по мнению Мэмфорда, вовсе не решал проблему отчуждения, хотя влияния его отрицать нельзя [11, с. 223].

Наравне с Марксом на философа оказал влияние и Освальд Шпенглер – немецкий философ, представитель философии жизни. Не случайно, работа Мэмфорда появляется как реакция, через несколько лет после шпенглеровской статьи «Человек и техника», где тот расширяет понятие «техники», утверждая, что *«следует избегать и другой ошибки: технику нельзя понимать инструментально. Речь идет не о создании инструментов-вещей, а о способе обращения с ними, не об оружии, а о борьбе»* [19, с. 457]. Мэмфорд перерабатывает и объединяет положения Шпенглера о технике как «тактике жизни» с материалистическим, «инструментальным» взглядом, от которого хотел отказаться Шпенглер, указывая, что не только человеческое поведение или жизненные тактики являются «техникой», но и из людей можно построить огромную функционирующую машину.

Шпенглер пишет о «фаустовском человеке», который, создавая технику, со временем сам впадает в зависимость от нее, становясь рабом своей машины [2, с. 101–111]. Впоследствии он называет человека противоестественным: *«Искусственно, противоестественно любое человеческое действие – от зажигания огня и вплоть до тех свершений высших культур, которые обозначаются нами как собственно приналежащие к «искусству»»*, – а значит любая машина, как наследница техники жизнедеятельности, становится противоестественным элементом, который возводится в глобальную человеческую драму, в которой человек обречен проиграть природе, потому что она сильнее [19, с. 451]. Но Мэмфорд на протяжении тридцати лет противостоит идеям, которые возлагают вину на машины и менахизацию общества. В этом он сходится с В.И. Вернадским – русским и советским ученым-естествопытателем, высказавшим следующее суждение: *«...процессы, подготовлявшиеся многие миллиарды лет, не могут прервать»*

ся и уничтожиться; в «цивилизации культурного человечества» произойдут события, нужные для этого, а не этому процессу противоречащие» [5, с. 48–49].

И отчасти похожее отношение к технике можно найти у Мартина Хайдеггера – немецкого философа-экзистенциалиста и феноменолога, который рассматривал технику как средство раскрытия человеческого потенциала, освобождения себя [17, с. 229–234]. «У Хайдеггера техника подчиняет себе все пространство бытия, присущая ей логика пронизывает сознание эпохи» [8, с. 60]. Хайдеггер констатирует, что техника сама по себе не только полезна, но и является средством к достижению цели человеческого существования – раскрытию потаенности мира [17, с. 223–226]. Это онтологическое «осуществление истины» через технику Хайдеггер считает судьбой и смыслом человечества, которым необходимо без остатка подчиниться.

Сплетая такое отношение к технике с материализмом и отчуждением Маркса, убирая онтологическую составляющую «осуществления истины», мы получаем технику в концепции Мэмфорда, посредством которой и развивалось общество, постепенно отчуждаясь и от техники, как от незаменимой составляющей организации мышления, так и от результатов труда.

Недалеко от такой же позиции стоит Карл Ясперс – немецкий психиатр, психолог, философ-экзистенциалист, которого Н.М. Аль-Ани – современный русский философ определяет с Мэмфордом в одно направление философии техники: гуманитарно-антропологическое. Он пишет о том, что эпоха преобразований формирует «единую фабрику» мира, где «все становится анонимным и достижения человека тонут в достижениях коллектива», а человеческий дух сводится лишь к выполнению полезных функций. Однако в этом виновата вовсе не техника, как раз она служит для «реализации назначения человека» через манипулирование силами природы [2, с. 82–85].

К тому же направлению относятся и испанский философ, социолог Хосе Ортега-и-Гассет, который понимал технику как «производство избыточного» [12, с. 169–185]. Техника нужна человеку не столько для удовлетворения биологических, сколько для удовлетворения «сверхъестественных» потребностей, потому что посредством ее он не живет, а «пребывает в удобстве для себя». Мэмфорд, хотя и отказывается от подобного радикализма, эта идея находит место в его концепции на правах одной из частей.

Подобная идея тесно связана с теорией «общества потребления», введенной Эрихом Фроммом, бывшим фрейд-марксистом и одним из представителей франкфуртской школы. Франкфуртцы стали одними из самых крупных идейных антагонистов Льюиса Мэмфорда. Как приверженцы культуркритицизма они, в особенности Герберт Маркузе, отстаивали тезис о «демонии» техники, где она ограничивала всю культуру и не позволяла ей развиваться, а также поработала человека. Хоркхаймер, в свою очередь, писал об превращении разума в инструмент, используемый для получения практических результатов. Продолжение подобных идей можно найти у Юргена Хабермаса, говорящего о том, что техника настолько плотно проникает в человеческую жизнь и тело, что без нее уже невозможно обходиться, она обретает характер власти [13, с. 141]. Мэмфорд своим мифом машины хочет разрушить механистическое мировоззрение эпохи и здесь напрашивается прямая параллель со сформулированным позже Ю. Хабермасом (под влиянием Г. Маркузе) тезисом о «науке и технике как идеологии», т. е. непосредственном присвоении наукой и техникой функций обоснования господства [14, с. 90]. Если в начале своего творчества Мэмфорд был ближе к Хайдеггеру и воспринимал технику как освободительную силу, то в процессе такой полемики он все больше склоняется к социо-техническому пессимизму, без остатка принимая слова Адорно: «...каждый из нас, в значительной мере, оказываемся не самими собой, а носителями функций, которые нам предписаны» [1, с. 369]. Однако он все еще отстаивает машину как нейтральный объект, говоря, что техника сама страдает от человеческих пороков и несовершенства.

В трудах Эриха Фромма есть образ человека-автомата, живущего в обществе тотального потребления. Он отстаивает мнение, что человеку лишь кажется, будто он принимает решения, действует в соответствии со своими мыслями и чувствами, однако это иллюзия, и индивид лишь воплощает чужую, навязанную ему волю [15, с. 204]. Чуть позже об этом будет писать французский социолог и философ-постмодернист Жан Бодрийяр, как о всеохватывающей и замкнутой системе (фактически машине знаков), где «система потребностей составляет продукт системы производства» [4, с. 103].

Еще один пункт, в котором Мэмфорд соприкасается с франкфуртской школой – это увлечение фрейдизмом. Он множество раз обращается к психоанализу в «Мифе машины», когда рассуждает об общественном строе первобытных людей и развитии его психической жизни, которое он выдвигает на первый план. Фрейд становится одним из тех мыслителей, идеями которых пропитана эта книга. Тотем и табу – те величины первобытной общественной жизни, которые оказывали огромное влияние на общества, в которых они действовали, а это, практически, каждое первобытное племя. Фрейд утверждает, что табу – это прародитель морали, без него общество не могло существовать, ведь, хоть и будучи, порой, угнетающим или иррациональным, оно способствовало наведению порядка во всех сферах общества и развитию его самоконтроля, и если вначале нарушение табу каралось божеством и незамедлительно, то затем «общество само берет на себя наказание дерзнувшего, преступление которого навлекает опасность на

его товарищей. Таким образом, первые системы наказания человечества связаны с табу» [16, с. 20]. И Мэмфорд все также воспринимает это в контексте отчуждения. Если Фрейд позиционировал бессознательное табу в настоящее время как причину невроза, то Мэмфорд писал, что табу стало бы лучшим регулятором общества, чем любое ООН, однако отрешаясь от его смысла, загоняя его в бездну бессознательного мы зарабатываем лишь растущие в обществе неврозы.

Еще одним мыслителем, писавшим в подобном ключе, был Торстейн Веблен – американский экономист, социолог и публицист. Он доказал, что в рыночной экономике потребители подвергаются всевозможным видам общественного и психологического давления, вынуждающим их принимать неразумные решения. К тому же насчет техники и общества у Веблена была собственная позиция: у власти должна была бы находиться техническая интеллигенция [2, с. 126–130]. Также Веблен сходится с Мэмфордом по вопросу о движущих мотивах человеческого поведения, которые основываются не на максимизации выгоды, а на инстинкте мастерства (изначально заложенному в человеке стремлению к творчеству), инстинкте праздного любопытства (продолжение инстинкта игры как формы познания мира) и родительском чувстве (забота о ближнем), которые формируют облик экономики в целом. То есть все не техника и труд развивали человека, а он развивался самостоятельно, реализуя свой творческий потенциал. Все эти три пункта можно встретить и у Мэмфорда, в особенности он указывает на любопытство, как основную силу развития, а также любовь и заботу, посредством которых родители сохраняли и передавали собственные достижения детям.

В связи с формированием первобытного общества, Мэмфорд в своей работе неоднократно ссылается на Йохана Хейзингу – нидерландского историка, исследователя культуры, и его труд «Ното Ludens». В нем голландец собрал множество доказательств в пользу тезиса, что культура играется и происходит из игры, а каждый общественный институт – это поле, своеобразная шахматная доска, на которой происходит эта игра: «Арена, игральные столы, магический круг, храм, сцена, киноэкран, судебное присутствие — все они, по форме и функции, суть игровые пространства, то есть отчужденная земля, обособленные, выгороженные, освященные территории, где имеют силу свои особые правила. Это временные миры внутри мира обычного, предназначенные для выполнения некоего замкнутого в себе действия» [18, с. 34–35]. В последних главах этой книги Хейзинга склоняется к тому, что культура играется все меньше, игра заменяется серьезностью, исчезает удовольствие (один из основных аспектов игры). Они все более формализуются, теряя свою глубинную суть. Игра становится механизированной.

О механизации человека в мире машин также писал русский философ Николай Бердяев. Он отмечает, что последней верой человека является вера в технику. С развитием общества техника становится просто необходимой и «невозможно мыслить возврат к натуральному хозяйству и к патриархальному строю, к исключительному преобладанию сельского хозяйства и ремесла в хозяйственной жизни, как хотел Рескин» [3]. Однако подобная эпоха требует от человека «фабрикации продуктов, и притом в наибольшем количестве при наименьшей затрате сил. Человек делается орудием производства продуктов. Вещь ставится выше человека» [3]. Бердяев пишет о том, что техника более всего опасна для души человека. Он решительно отрицает, что техника нейтральна, она давно перестала быть таковой. Ссылаясь на Кейзерлинга – немецкого философа, он говорит, что техника разрушила эмоциональный порядок человека, а цивилизация хочет именно этого порядка. Это ведет к тому, что человек становится поверхностным, «у него нет времени для вечности», он становится человеком «здесь и сейчас», разрушая вечность бесконечной гонкой, в которую превратилась жизнь под властью машины: «Техника есть последняя любовь человека, и он готов изменить образ под влиянием предмета своей любви» [3].

Также на Льюиса Мэмфорда повлияла концепция американского социолога, основоположника социологии науки и техники Уильяма Огборна – концепция культурного лага. Суть ее состоит в том, что изменения в материальной культуре происходят, как правило, быстрее и активнее, чем преобразования в нематериальной культуре. Это означает, что развивающаяся техника, воздействующая в первую очередь на состояние материальной культуры, определяет все остальные социальные изменения [7, с. 36]. У Мэмфорда мы можем найти схожие мысли насчет несоответствия материальной культуры культуре нематериальной, в этом он видит причину социального бедствия своей эпохи.

Ж. Кайсарова полагает, что Мэмфорд также вдохновлялся искаженным гегельянством и вбирал из него то, что было ему близко. Искаженным потому, что в Англию и США гегельянство пришло достаточно поздно, претерпело некоторые изменения и истолковывалось довольно своеобразно. Американское гегельянство имеет ярко выраженную антипозитивистскую направленность, из чего следует, что в методологии и философии истории Мэмфорда Гегель и Риккерт непротиворечиво сосуществуют как антитеза позитивизму. Сам Мэмфорд отрицательно относится к позитивизму. «Из гегелевского наследия Л. Мэмфорд воспринял то, что было близко взглядам самого Л. Мэмфорда. Кроме гегелевской исторической «триады», на Л. Мэмфорда могли оказать влияние и мысли Гегеля о «духе», который самопроявляется в человеке прежде всего словесно-мыслительно как язык и идея, а затем уже самореализуется в виде орудий труда и ценностей цивилизации» [9].

Также Мэмфорд разворачивает полемику с Маршалом Маклюэном – канадским философом, филологом, литературным критиком, экологом средств коммуникации и теоретиком воздействия артефактов как средств коммуникации, человеком, который фактически заявил, в оправдание средств массовой коммуникации, что сами средства уже есть цель. Он же описывал и современные массовые ритуалы, приравнивая, например, современное собрание семьи или друзей перед телевизором, древним собраниям племен перед костром. Маклюэн сравнивал современное общество и его отношение к технике с мифом о Нарциссе, который, глядя на свое отражение, замыкается на себе, так же, как и общество, создавая продолжение своих конечностей, своего разума, уменьшает наш мир через имплозию до размеров одной глобальной деревни [10].

Здесь я попытался воссоздать образ мысли технофилософского направления, циркулирующей в эпохе, перечислить основные идеи, от которых отталкивался Льюис Мэмфорд в своих изысканиях. Работы Маркса (и его франкфуртских последователей) и Шпенглера, оказали, на мой взгляд, наибольшее влияние на взгляд Мэмфорда. Идеи Ортега-и-Гассета и Огборна также нашли свое место в его концепции, как и социальная интерпретация Хайдеггера и Ясперса (убирая их онтологию). Также четко прослеживаются параллели с Фрейдом и Хейзингой при интерпретации, сравнении первобытной и современной культуры, более того – Мэмфорд ссылается на их работы в своей книге. А Маклюэн и вовсе становится его негласным, но основным антагонистом.

Невозможно, я полагаю, описать всех ученых, повлиявших на образ мысли Мэмфорда, однако здесь изображены основные узлы, привязывающие его к технико-философской мысли 20-го века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно, Т. О технике и гуманизме / Т. Адорно // Философия техники в ФРГ. – М. : Прогресс, 1989. – С. 364–371.
2. Аль-Ани, Н. М. – Философия техники / Н. М. Аль-Ани. – СПб., 2004. – 184 с.
3. Бердяев, Н. А. Человек и машина / Н. А. Бердяев // Вопросы философии. – 1989. – № 7. – С. 147–162.
4. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М. : Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с.
5. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1991. – 268 с.
6. Веселовский, А. Я. Очерки по истории электротехники / А. Я. Веселовский, О. Н. Шнейберг. – М. : МЭИ, 2004. – 252 с.
7. Зборовский, Г. Е. История социологии: современный этап : учеб. для вузов / Г. Е. Зборовский. – Сургут ; Екатеринбург : РИО СурГПУ, 2015. – 259 с.
8. Истюфеев, А. В. Кризис гуманизма в условиях современной техногенной цивилизации / А. В. Истюфеев // Вестник ОГУ. – 2007. – № 7. – С. 58–63.
9. Кайсарова, Ж. Е. Проблема становления техногенной цивилизации в исторической концепции Льюиса Мамфорда / Ж. Е. Кайсарова. – 2001. – 222 с.
10. Маклюэн, М. Понимание медиа. Внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М. : Кучково поле, 2014. – 464 с.
11. Мэмфорд, Л. Миф Машины. Техника и развитие человечества / Льюис Мэмфорд. – М. : Логос, 2004. – 284 с.
12. Ортега-и-Гассет, Х. Размышления о технике / Хосе Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1993. – № 5. – С. 164–232.
13. Покровская, Я. Техника власти и власть техники в философии Льюиса Мэмфорда / Я. Покровская // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. – 2014. – № 10. – С. 138–144.
14. Тавризян, Г. М. Философы XX века о “технической и цивилизации” / Г. М. Тавризян. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2009. – 216 с.
15. Федякшина, А. Е. Надежда и вера в дегуманизованном обществе / А. Е. Федякшина // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. – 2008. – № 2 – С. 7–9.
16. Фрейд, З. Тотем и табу / З. Фрейд. – Киев : Фолио, 2009. – 110 с.
17. Хайдеггер, М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Время и бытие : ст. и выступления. – М. : Республика, 1993. – С. 221–238.
18. Хейзинга, Й. Homo Ludens. Опыт и определение игрового элемента культуры / Й. Хейзинга. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. – 416 с.
19. Шпенглер, О. Человек и техника / О. Шпенглер // Культурология XX век : энцикл. – М. : Юрист, 1995. – С. 454–492.